

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 341.9.019
ББК 67.93

КОЛЛИЗИОННЫЕ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА РОССИИ И БОЛГАРИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Е. С. Аничкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Янаки Стоилов

Конституционный Суд Республики Болгария (София, Болгария)

Выявлены и рассмотрены основные различия во внутренних коллизионных нормах международного частного права России и Болгарии. По мнению авторов, правовое разнообразие заключается в источниках коллизионного регулирования, взаимоисключающем содержании отдельных коллизионных норм двух стран, уровне полноты и качества коллизионного регулирования, а также конфликте квалификаций некоторых правовых понятий. Каждое проявление разнообразия проиллюстрировано ссылками на соответствующие коллизионные нормы.

Ключевые слова: источник права, международное частное право, коллизионные нормы, сравнительно-правовой анализ

CONFLICT RULES OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW IN RUSSIA AND BULGARIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

E. S. Anichkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Yanaki Stoilov

Constitutional Court of the Republic of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

The main differences in the internal conflict rules of private international law in Russia and Bulgaria are identified and considered. According to the authors, legal diversity lies in the sources of conflict regulation, the mutually exclusive content of individual conflict rules of the two countries, the level of completeness and quality of conflict regulation, as well as the conflict of qualifications of some legal concepts. Each manifestation of diversity is illustrated by references to the relevant conflict rules.

Keywords: source of law, international private law, conflict rules, comparative legal analysis

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)1.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)1.8)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-511-18002 «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии».

Современная правовая доктрина России испытывает дефицит сравнительно-правовых исследований. Особенно это заметно применительно к некоторым отраслям права, правовым институтам или странам. В этой связи определенную научную актуальность будет иметь сравнение национальных компонентов (источников и норм) международного частного права (далее — МЧП) России и Болгарии. Это объясняется несколькими причинами: явной недостаточностью компаративного анализа правовых систем этих двух стран в целом, отсутствием специального сравнения коллизионных норм международного частного права названных стран, а также практической ориентацией результатов такого сравнения для использования в работе судебных и иных правоприменительных органов. Полагаем возможным выделить четыре основных различия в национальных коллизионных сегментах МЧП России и Болгарии.

1. Обращают на себя внимание разные способы систематизации внутригосударственных норм МЧП. В отличие от Российской Федерации, придерживающейся модели отраслевой кодификации норм МЧП, в Болгарии укоренилась модель общей кодификации правового регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом. В Болгарии действует Кодекс международного частного права от 20 июля 2005 г., включающий в себя 124 статьи, которые содержат нормы в области регулирования гражданских, семейных, трудовых и гражданско-процессуальных отношений с иностранным участием [1]. Напротив, в России отдельно действуют несколько федеральных законов, регулирующих соответствующие отраслевые отношения с иностранным элементом: Гражданский кодекс РФ, часть 3 [2], Семейный кодекс РФ [3], Трудовой кодекс РФ [4], Кодекс торгового мореплавания РФ [5], Гражданский процессуальный кодекс РФ [6], Арбитражный процессуальный кодекс РФ [7]. Примечательно, что болгарский закон включает в себя не только собственно коллизионные нормы МЧП, но и процессуальные правила (о подсудности, признании и исполнении иностранных судебных решений и др.), что свидетельствует о цельности и логической завершенности правового регулирования международных частных отношений.

2. Кодекс международного частного права Болгарии отличается в сравнительном плане большей полнотой правового регулирования, т. е. охватывает вопросы, не регулируемые в российских коллизионных нормах. Иными словами, в сравнении с Кодексом Болгарии во внутрироссийских источниках международного частного права наблюдаются некоторые пробелы. Это имеет следующие проявления:

- в ст. 40 легально признана трансмиссия (отсылка к праву третьей страны), в то время как в России это явление формального регулирования не получило;
- в ст. 71 и 72 содержатся правила применимого права в области возникновения, содержания, передачи и прекращения авторских, изобретательских и иных интеллектуальных прав, в том числе созданных в рамках трудовых правоотношений;
- ст. 70 специально урегулировано применимое право к культурным ценностям, неправоммерно вывезенным с территории государства;
- в ст. 108 «Нарушение прав, связанных с личностью» отдельное внимание законодателя обращено на право, применимое к обязательствам, вытекающим из нарушения прав личности средствами массового уведомления (печатными изданиями, радио, телевидением или другими СМИ);
- ст. 110, в соответствии с которой «обязательства, проистекающие от нарушения авторских прав, прав, сродных авторскому праву, и прав на объекты индустриальной собственности, регламентируются правом государства, в котором ищется защита права», отражено определение применимого права к защите объектов интеллектуальной собственности;
- ст. 112 полностью направлена на коллизионное регулирование представительства без полномочий, что является редкостью даже в специальных национальных законах о международном частном праве;
- в ст. 88 определен алиментный статут, т. е. сфера права, применимого к алиментным обязательствам;
- в ст. 91 содержится наследственный статут, т. е. сфера действия права, подлежащего применению к наследственному отношению.

3. Компаративный анализ коллизионных норм отечественного и болгарского права позволяет констатировать диаметрально противоположные подходы к определению применимого права при ре-

гулировании одних и тех же частных общественных отношений. Обратим внимание лишь на основные нормативные различия.

а) в соответствии со ст. 54 Кодекса международного частного права Болгарии ограничение и лишение дееспособности физического лица подчиняется его отечественному праву (т. е. его личному закону), в то время как в Гражданском кодексе РФ (ч. 3 ст. 1197) закреплена односторонняя коллизионная норма, отсылающая только к российскому праву. Аналогичное расхождение наблюдается в близком вопросе признания физического лица безвестно отсутствующим и объявления умершим (ст. 55 Кодекса Болгарии и ст. 1200 Гражданского кодекса РФ);

б) различаются субсидиарные критерии определения «национальности» (государственной принадлежности) юридических лиц: согласно п. 2 ст. 56 Кодекса Болгарии таковым является критерий оседлости, когда во внимание принимается место управления юридического лица, а п. 4 ст. 1202 Гражданского кодекса РФ использует критерий места его деятельности;

в) ст. 51 Кодекса Болгарии содержит нестандартное коллизионное правило о том, что «право-способность и дееспособность, приобретенные на основании национального права, не изменяются при изменении гражданства». Однако при смене гражданства обычно изменяется и личный закон, в сферу действия которого входят вопросы правоспособности и дееспособности. Соответственно происходит смена национально-правовой системы, которая регулирует данные вопросы. Так, по Гражданскому кодексу РФ (ч. 1 ст. 1195) «личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет» и этим же правом определяется правоспособность (ст. 1196) и дееспособность (ст. 1197) физического лица;

г) несовпадения наблюдаются и при определении применимого права к вещным правам на перевозимые вещи. Если согласно п. 1 ст. 67 Кодекса Болгарии «приобретение и прекращение вещных прав на перевозимые вещи регламентируются правом государства, в котором находится их местонахождение», то п. 2 ст. 1206 Гражданского кодекса РФ отсылает к закону места отправления этого имущества или праву, применимому к сделке, вследствие которой происходит возникновение и прекращение вещных прав на находящееся в пути движимое имущество;

д) по-разному определяется право, подлежащее применению к вещным правам на транспортные средства. Гражданский кодекс РФ исходит из применения права той страны, где эти суда и объекты зарегистрированы (ст. 1207), а Кодекс Болгарии, частично придерживаясь такого же подхода, в ст. 68 обособляет средства железнодорожной и автомобильной перевозки и распространяет на них право государства, в котором находится место деятельности лица, эксплуатирующего эти средства;

е) имеют место различия при определении применимого права к неимущественным и имущественным отношениям супругов. Несмотря на то, что генеральное коллизионное правило в виде отсылки к праву страны совместного места жительства совпадает, субсидиарные правила отличаются. Если в соответствии со ст. 161 Семейного кодекса РФ применимо право страны последнего совместного места жительства, то по ст. 79 Кодекса Болгарии — принцип наиболее тесной связи. Кроме того, к брачному контракту допускается автономия воли, но в российском праве она сопровождается ограничениями (супруги не должны иметь общего гражданства или совместного места жительства), а в болгарском праве таковые отсутствуют;

ж) расхождения обнаруживаются в подходах к определению применимого права в области усыновления. Российский законодатель берет за основу разные комбинации государственной принадлежности усыновителя и усыновляемого (ст. 165 Семейного кодекса РФ). Болгарский законодатель, напротив, дифференцирует различные составные части отношений по усыновлению, отдельно определяя национально-правовую систему для условий усыновления, действия усыновления, прекращения усыновления, в том числе его отмены (ст. 84 Кодекса Болгарии);

з) одинаковость отсутствует и при коллизионном регулировании отношений между родителями и детьми: при схожести основного коллизионного правила о применении права страны совместного места жительства родителей и детей субсидиарные правила не совпадают. В ст. 163 Семейного кодекса РФ предусматривается во вторую очередь закон гражданства ребенка, а в третью очередь — закон места его жительства, если данный закон более благоприятен для ребенка. Болгарское право, наоборот, приоритет отдает закону места жительства ребенка, а закону гражданства — лишь при условии наибольшего благоприятствования (ст. 85 Кодекса Болгарии);

и) находят различие и правила применения права к алиментным обязательствам. Основная разница состоит в том, что российское законодательство исходит из первичного применения закона совместного места жительства плательщика алиментов и лица, их испрашивающего (ст. 161, 164 Семейного кодекса РФ), а болгарский закон в первоочередном порядке указывает на законодательство постоянного местопребывания лица, ищущего содержание (ст. 87 Кодекса Болгарии);

к) при регулировании индивидуальных трудовых отношений с иностранным участием ст. 96 Кодекса Болгарии исходит из принципа автономии воли сторон, т. е. из возможности работодателя и работника выбрать к трудовому договору применимое право. В отличие от названного подхода Трудовой кодекс РФ (абз. 5 ст. 11) предусматривает применение закона места работы, имея в виду, что эта работа осуществляется на территории России. Автономия воли в трудовых договорах с членами экипажа судна предусмотрена в нашей стране только в п. 2 ст. 416 Кодекса торгового мореплавания РФ.

4. Наблюдаются и иные проявления неоднородности норм международного частного права двух стран, но уже не столь принципиального характера. В частности, некоторые нормы Кодекса Болгарии сформулированы более точно и развернуто, чем их российские аналоги. Например, в ст. 3 Кодекса Болгарии справедливо указано на соотношение данного Кодекса не только с международными договорами, но и с международными актами. К числу последних относятся, главным образом, акты международных органов и организаций и постановка вопроса о соотношении с ними обоснованна и актуальна. В то же время российское законодательство акцентирует внимание на приоритете только международных договоров над внутренним правом (например, ст. 7 Гражданского кодекса РФ).

В ст. 42 удачно предотвращено возникновение мобильного конфликта к любым частным отношениям с иностранным элементом, а не только избирательно к некоторым отношениям, как в российском законодательстве (п. 1 ст. 1211 Гражданского кодекса, п. 2 ст. 156, п. 1 ст. 165 Семейного кодекса).

Детальнее в Кодексе Болгарии представлены правила о применении права страны с множественностью правовых систем. С одной стороны, законодательство двух стран едино в том, что при отсылке к праву такой страны должна применяться та правовая система (точнее подсистема), которая определяется в соответствии с правом этой страны. При отсутствии таких указаний необходимо руководствоваться принципом наиболее тесной связи. С другой стороны, в болгарском Кодексе есть промежуточное правило касательно договорных и внедоговорных отношений. Согласно п. 2 ст. 41 каждая территориальная единица внутри страны с множественностью правовых систем будет считаться отдельным государством при определении применимого права к договорным и внедоговорным отношениям. Иными словами, допускается проецирование коллизионных правил, применяемых к разрешению межгосударственных правовых коллизий, на микроуровень «межобластных», внутригосударственных правовых коллизий. Между тем, несмотря на отсутствие прямого текстуального закрепления аналогичного подхода в ст. 1188 Гражданского кодекса РФ, фактически он был предусмотрен в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [8].

Наконец, обнаруживает себя и конфликт квалификаций, выражающийся в смысловом несопадении правовых понятий, используемых в сравниваемых нормах законодательства двух стран, а также в использовании терминов, не имеющих аналогов в другой правовой системе (например, «главное управление» в п. 2 ст. 94 Кодекса Болгарии). Так, в Кодексе Болгарии используются понятия «отечественное право» физического лица (ст. 54), что является смысловым эквивалентом российского понятия «личный закон» физического лица; категория «происхождение ребенка» (ст. 83), являющаяся аналогом категории «установление отцовства (материнства)», используемой в отечественном праве; термин «постоянное местопребывание к моменту смерти» (ст. 89) по сути то же самое, что «последнее место жительства» в ст. 1224 Гражданского кодекса РФ.

Коллизионные нормы стран мира в сопоставлении с материальным или процессуальным правом имеют значительно меньше различий между собой. Во многом это объясняется высоким уровнем унификации коллизионных правил вообще, а также их немногочисленностью в рамках национально-правовых систем. Тем не менее такого рода различия есть, что мы могли обнаружить на примере России и Болгарии. Как видно, ключевые расхождения между национальными сегментами международного частного права названных стран сводятся к разным способам внутригосударственной систематизации соответствующих правовых норм, пробельности российского коллизионного регули-

рования в сравнении с болгарским правом, противоположным решениям коллизионных вопросов в рамках некоторых частных отношений, разной степени полноты и качества коллизионных норм, имеющих одинаковый предмет регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс международного частного права Болгарии от 17.05.2005. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041701> (дата обращения 08.02.2022)
2. Гражданский кодекс РФ (часть 3) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
5. Кодекс торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
6. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля.

УДК: 34.01

ББК: 67.

ИЕРАРХИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИИ И БОЛГАРИИ: К ВОПРОСУ О ЗАКОНЕ О НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ*

А. А. Васильев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

С. Гройсман

Софийский университет (София, Болгария)

В статье анализируется проблема разработки и принятия закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации как способа установления единообразного подхода к системе и иерархии нормативных правовых актов. Рассматриваются различные проекты закона о законах (1996, 2014, 2021 гг.). В качестве успешного опыта нормативного регулирования системы и иерархии нормативных правовых актов приводится закон Болгарии 1973 г. «О нормативных правовых актах» — самый ранний из известных законов о законах. В работе отмечаются сходные аспекты в установлении иерархии нормативных правовых актов России и Болгарии: доминирование конституционного акта, проблема соотношения национального и международного права, значительное влияние судебной практики на развитие правовой системы, вторичный характер доктрины, принципов права, правового обычая.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–511–18002 «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии».